

Д. Н.
БЕГИЧЕВ

Избранное

Дмитрий Бегичев

Семейство Холмских.

Часть шестая

«Public Domain»

1841

Бегичев Д. Н.

Семейство Холмских. Часть шестая / Д. Н. Бегичев — «Public Domain», 1841

«Софья не поѣхала на праздникъ Сундукова, Алексѣй также остался съ больною женою; но Фамусова не хотѣла пропустить случая видѣть, какъ будутъ угощать Его Высокопревосходительство. Она боялась опоздать, и поѣхала очень рано. Пронскій желалъ также посмотрѣть всѣ провинціальныя продѣлки при угощеніи вельможи, и чтобы имѣть возможность, издали, и не бывъ никѣмъ замѣченнымъ, дѣлать наблюденія, не надѣлъ ни звѣзды своей, ни одного ордена...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

© Бегичев Д. Н., 1841

© Public Domain, 1841

Содержание

Глава I	5
Глава II	20
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Никитич Бегичев

Семейство Холмских. Часть шестая

Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ

"Une morale sèche apporte de l'ennui,

"Le conte fait passer le précepte avec lui.

Lafontaine

«Скучно сухое правоученіе, но въ сказкѣ охотно его выслушиваютъ.»

Лафонтенъ.

Глава I

*«Je tais dévoué de cœur et d'âme aux personnes de condition; je me plais
à leur être utile et agréable de quelque manière que cela soit.»*

Le Sage.

*«Я преданъ душею и сердцемъ знатнымъ людямъ; радость моя
быть имъ полезнымъ и пріятнымъ какимъ-бы то ни было средствами.»*

Лесаажъ.

Софья не поѣхала на праздникъ Сундукова, Алексѣй также остался съ больною женою; но Фамусова не хотѣла пропустить случая видѣть, какъ будутъ угощать Его Высокопревосходительство. Она боялась опоздать, и поѣхала очень рано. Пронскій желалъ также посмотреть всѣ провинціальныя *продѣлки* при угощеніи вельможи, и чтобы имѣть возможность, издали, и не бывъ никѣмъ замѣченнымъ, дѣлать наблюденія, не надѣлъ ни звѣзды своей, ни одного ордена.

"Помилуй, другъ мой!" сказала ему жена его. "Какую безсовѣстную штуку хочешь ты сыграть съ Сундуковымъ! Онъ именно звалъ тебя такъ униженно для мебели и для украшенія своего праздника, чтобы послѣ говорить: "и не одинъ Его Высокопревосходительство посѣтилъ меня: на моемъ праздникѣ были и другіе кое-кто *лямочники*." А ты не надѣваешь своей звѣзды!" – Затѣмъ-то и не надѣваю, чтобы не быть замѣченнымъ – отвѣчалъ Пронскій. – Я знакомъ съ героемъ, для котораго дается праздникъ, онъ уменъ, и тотчасъ, когда меня увидитъ, перемѣнитъ свой тонъ. А мнѣ хочется смотрѣть на него во всемъ его блескѣ, какъ онъ, не опасаясь никакихъ замѣчаній, поступаетъ съ своими подчиненными, и въ кругу подобострастныхъ, для которыхъ одинъ взглядъ, или одно слово его, есть законъ. – «Ты увидишь, Сундуковъ будетъ въ большой на тебя претензіи; ты уничтожаешь всѣ планы его,» продолжала Софья. – Пускай его сердится! Я ѣду не для того, чтобы имѣть честь присутствовать на его праздникѣ, а для собственнаго своего удовольствія. Я совсѣмъ не намѣренъ быть дѣйствующимъ лицомъ: хочу просто наблюдать разнообразныя фizioноміи – отвѣчалъ Пронскій, со смѣхомъ, прощаясь съ женою и садясь въ коляску.

Подѣзжая къ деревнѣ Сундукова, встрѣтился онъ съ Графомъ Честоновымъ, Адъютантомъ вельможи. Пронскій зналъ и уважалъ этого молодаго челоѣка. Онъ остановилъ его. "Помилуй, братецъ, куда ты скачешь отъ праздника?" сказалъ онъ ему. – Я спѣшу къ матушкѣ, которая не очень здорова. Чтожъ до праздниковъ, то они мнѣ надоѣли до смерти: скоро мѣсяцъ, какъ путешествую я съ Генераломъ; желудокъ мой испортился и голова болитъ, отъ всего, что

вижу и слышу. Въ ушахъ безпрестанно раздается: *Прославимъ, Прославимъ! Онъ начальникъ и отецъ! Мы сплетемъ ему вѣнецъ, изъ признательныхъ (или такого-то уѣзда) сердець!* Или: *Восхищаетъ онъ всѣхъ насъ!* Или: *Славься нѣжнѣйшій къ намъ отецъ!* А въ одномъ уѣздѣ пропѣли: *Славься нѣжная къ намъ мать!* – Пронскій помиралъ со смѣху. – Однакожь, иногда эта нѣжная мать – продолжалъ Графъ Честоновъ – весьма не нѣжно поступаетъ съ дѣтьми своими. Не далѣе, какъ вчера, былъ я свидѣтелемъ уморительной и вмѣстѣ съ тѣмъ очень непріятной сцены. Генераль осматривалъ, сосѣдственный съ здѣшнимъ, уѣздный городъ. Еще передъ отъѣздомъ своимъ получилъ онъ жалобу на какое-то, ужъ слишкомъ наглое, злоупотребленіе Суда этого уѣзда. Онъ взялъ жалобу съ собою, съ тѣмъ, чтобы лично, на мѣстѣ, разсмотрѣть все дѣло. Какъ будто нарочно, при первомъ вступленіи въ Судъ, начали его сердить: онъ нашель ужасную нечистоту на крыльцѣ и на лѣстницѣ. Ничто въ мірѣ такъ не можетъ взбѣсить его, какъ безпорядокъ такого рода. Потомъ, при входѣ въ канцелярію Суда гнѣвъ его усилился: онъ нашель запачканные столы, вмѣсто чернилъницъ какія-то банки, дурной запахъ, нечистыхъ, въ изорванныхъ и изношенныхъ сюртукахъ подьячихъ, сидящихъ на изломанныхъ стульяхъ, на коробкахъ и сундукахъ, гдѣ хранились дѣла; словомъ: вездѣ отвратительную нечистоту и безпорядокъ. Онъ обратился къ Секретарю, называлъ его воромъ, разбойникомъ, душегубцемъ, общалъ ему примѣрное наказаніе, и такъ былъ взбѣшенъ, что чуть не бросился его бить. Потомъ вошелъ въ судейскую, не отвѣчалъ на поклоны Судьи и Засѣдателей, сѣлъ на Президентское мѣсто и потребовалъ то дѣло, о которомъ доведено было до его свѣденія передъ отъѣздомъ изъ губернскаго города. Сгоряча, онъ не имѣлъ терпѣнія ничего читать, и только перевертывалъ листы, браня, какъ можно хуже, Судью и всѣхъ Присутствующихъ. Судья дерзнулъ напомнить ему, что онъ Дворянинъ и Штабъ-офицеръ. «И ты осмѣливаешься еще говорить?» закричалъ на него Генераль. «Какой ты Дворянинъ! Благородные люди не дѣлаютъ такихъ мерзостей! Пошелъ вонъ отсюда!» Выгнавъ Судью, принялся онъ за Засѣдателя, стоявшаго ближе къ нему. «Какъ ты осмѣлился подписать такое незаконное рѣшеніе?» – Кто! я, Ваше Высокопревосходительство? Не знаю подписывалъ-ли я; а впрочемъ, ежели Судья подпишетъ и Секретарь скрѣпитъ, то что-же нашему брату остается дѣлать? – «Какъ, что? Болванъ! должно смотрѣть, что подписываешь, и не соглашаться на то, что противно законамъ.» – А почему мнѣ знать, Ваше Высокопревосх., что противно законамъ? Секретарь подбираетъ ихъ, а намъ надобно только подписывать. – «Вотъ, поди, толкуй съ этимъ осломъ! Давно-ли ты служишь здѣсь Засѣдателемъ?» – Еще первый выборъ. Я недавно вышелъ изъ военной службы. Да что, позвольте вравду сказать Вашему Высокопревосх.: ежели нашему брату ссориться, то надобно умереть съ голоду. Вотъ я еще жалованья копѣйки не видалъ: все вычитается за штрафы, а за всѣмъ тѣмъ живу пока кое-какъ. – На это Генераль, бывъ вновь разсерженъ за другое, не успѣлъ дать отвѣта: онъ замѣтилъ, что въ дверяхъ комнаты, гдѣ помѣщался Земскій Судъ, Исправникъ, бывшій въ ссорѣ съ Судьею, подслушивалъ, торжествовалъ, и вмѣстѣ съ своими Засѣдателями потихоньку посмѣивался. Генераль слышалъ много проказъ и объ исправникѣ: вызвалъ его и Засѣдатель на сцену, разбранилъ какъ не лзя больше, и въ сердцахъ вышелъ изъ Суда. Коляска его была готова у крыльца; онъ побранилъ еще Городничаго, и прямо поѣхалъ въ дорогу. – «Вотъ за дѣломъ пріѣзжалъ въ Судъ!» сказали, пожимая плечами, Пронскій.

– Только началъ было онъ понемногу успокоиваться въ коляскѣ – продолжалъ Графъ Честоновъ – какъ еще былъ взбѣшенъ, при дурной переправѣ черезъ рѣку, на поромѣ. Къ довершенію всего, тутъ-же подали ему крестьяне жалобу на Исправника, который безсовѣстно во всемъ ихъ притѣсняетъ: собравши съ нихъ деньги на мостъ, положилъ онъ къ себѣ въ карманъ, моста не дѣлаетъ и позволяетъ паромщикамъ брать съ проѣзжихъ, что имъ захочется. Вы можете вообразить, что досталось Исправнику: онъ ругалъ его немилосердо, записалъ фамилію, и поздравлялъ навѣрное солдатомъ. Вдругъ этотъ подлецъ падаетъ предъ нимъ на колѣни. "Батюшка, Ваше Высокопревосходительство! простите великодушно! будьте мнѣ вмѣсто отца и матери! Клянусь вамъ, вѣкъ этого не буду дѣлать!" – Встань, мерзавецъ! – отвѣчалъ ему

Генераль. – И преступленіе и раскаяніе одинаково гадки! Сей часть отдай крестьянамъ деньги ихъ, мостъ сдѣлай на свой счетъ, и сегодня-же подай въ отставку; иначе я тебя не прощу. – "Милосердый отецъ и милостивецъ!" – сказалъ Исправникъ, вставая – "все непременно будетъ сдѣлано. Пожалуйте ручку!" Сколько ни былъ сердитъ Генераль, но послѣ этого насилу могъ удержаться отъ смѣха, отвернулся отъ него, и пошелъ садиться въ коляску."

Пронскій съ негодованіемъ слушалъ этотъ разсказъ. "Вотъ Дворяне!" вскричалъ онъ. "Однакожь разсуди самъ, любезный Графъ, безпристрастно: можно-ли какому нибудь хорошему человѣку брать на себя должности по выбору? Почему твой Генераль, по однѣмъ поданнымъ къ нему просьбамъ, не изслѣдовавъ, не разспросивъ, позволилъ себѣ ругать немилосердо Дворянъ? Почему ему знать: точно-ли справедливы этѣ жалобы? Ну что, ежели кто нибудь изъ обвиняемыхъ невиненъ, каково ему было слышать незаслуженныя ругательства?" – Конечно, это правда – отвѣчалъ Графъ Честоновъ. – Я не оправдываю такого предосудительнаго злоупотребленія власти начальника; но его точно можно извинить. Здѣсь открылись ему такіе ужасы, что хоть кого должны были вывести изъ терпѣнія. Впрочемъ, воля ваша, почтенный Николай Дмитриевичъ, а всему причиною то, что хорошіе, благонамѣренныя Дворяне уклоняются отъ выборовъ, и собственное спокойствіе свое, семейства свои и имѣнія предають на жертву мерзавцамъ. Вы не можете повѣрить, до какой степени достигли здѣсь злоупотребленія. – "Очень вѣрю, и согласенъ съ тобою, но ни кому не надобно забываться: всякій обязанъ знать мѣру своей власти и не выходить изъ границъ" – возразилъ Пронскій. – "Да это не наше дѣло; каждый разсуждаетъ и поступаетъ по своему образу мыслей. Скажи, ты проѣзжалъ мимо деревни Сундукова? Тамъ, говорятъ, чудеса приготовлены." – Вы увидите; не стану говорить ничего; только повѣрьте: изъ всего, что вамъ представится, самое гадкое и отвратительное есть хозяинъ. Я не могу равнодушно смотрѣть на этого мерзавца. – Помилуй, братъ! Ежели не смотрѣть равнодушно на всѣхъ мерзавцевъ въ здѣшнемъ мірѣ, то надобно большую часть жизни провести зажмуривъ глаза. Да за что онъ такъ сильно возбудилъ негодованіе твое противъ себя?" – Кромѣ того, что вся жизнь его есть цѣль злодѣйствъ, послѣднее вѣроломство его съ общимъ нашимъ знакомымъ, Александромъ Андреевичемъ Чадскимъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. – "Какъ! Съ Чадскимъ? Какимъ образомъ могли они сойтись, и гдѣ онъ теперь? Я такъ давно потерялъ его изъ виду." – Онъ живетъ, недалеко отсюда, въ маленькой своей деревенькѣ, оставшейся у него отъ всего большаго его состоянія. По несчастію, у него было значительное имѣніе по близости отъ Сундукова, который, по обыкновенію, сдѣлалъ планъ пріобрѣсть это имѣніе, и употребилъ извѣстныя и всегда одинакія свои средства. Онъ зналъ, что Чадскій былъ много долженъ; скупилъ векселей его, за безцѣнокъ, тысячъ на триста, и тотчасъ представилъ ко взысканію. Чадскій пріѣхалъ къ нему просить отсрочки. Этимъ воспользовалась дочь его Глафира; она довольно умна и большая кокетка; Чадскій былъ завлеченъ ею, сталъ свататься, и получилъ согласіе, а въ приданое за нею Сундуковъ отдалъ зятю векселя, но заставилъ его напередъ переписать ихъ на имя дочери. Чадскій нашелъ въ женѣ своей преносную, сварливую, злую женщину, которая мучила его, но имѣла однакожь большое вліяніе на его нравственность. Вы знаете, какой вспыльчивый былъ у него характеръ? Въ самое короткое время она такъ его перемѣнила, что онъ сдѣлался тише воды, ниже травы, и я часто, со смѣхомъ, напоминаю ему стихи Хемницера:

Да чѣмъ-же малаго такъ усмирили? Женили!

Но, представте, что сдѣлалъ съ нимъ почтенный папенька. Онъ заставилъ, обманомъ, или не знаю какими средствами, дочь свою передать векселя мужа на его собственное имя, и представилъ ихъ ко взысканію. Чадскій ничего не зналъ и не вѣдалъ; вдругъ, въ одно прекрасное утро, пріѣзжаетъ къ нему въ деревню Земскій Судъ, съ объявленіемъ, что имѣніе его продано за долги и принадлежитъ уже Тимѣею Игнатьевичу Сундукову. Чадской пораженъ былъ

такимъ невѣроятнымъ вѣроломствомъ; онъ поѣхалъ къ доброму тестю, разобралъ его, какъ каналью, но тѣмъ все и кончилось: поправить ничѣмъ было не лѣзя, имѣніе перешло въ вѣчное и потомственное владѣніе Сундукова. Жену свою, подозрѣвая въ злоумышленности, не смотря ни на какія оправданія, Чадскій прогналъ отъ себя, и объявилъ рѣшительное намѣреніе – вѣкъ не вѣдаться съ нею. Происшествіе это сильно разстроило, и безъ того уже слабое, здоровье Чадскаго; онъ часто бываетъ боленъ, и такъ постарѣлъ, что его узнать не лѣзя. – «Хорошъ, хорошъ, Г. Сундуковъ, молодецъ хоть куда!» сказали Пронскій, качая головою. «Нѣтъ, еще не скоро у насъ въ Россіи общее мнѣніе будетъ уважаемо и послужить наказаніемъ мерзавцамъ.» – Однакожь, ежели вы хотите застать праздникъ и всѣ *продълки* Сундукова съ самаго начала и во всемъ блескѣ – продолжалъ Графъ Честоновъ, вынимая часы – то пора вамъ ѣхать: герой праздника теперъ скоро явится.

Пронскій нашелъ Сундукова, съ компанією, у воротъ дома. Сундуковъ посмотрѣлъ на него съ явнымъ негодованіемъ замѣтивъ, что на немъ не было звѣзды и ни одного ордена; но ему нѣкогда было долго гнѣваться: почти въ одно время съ Пронскимъ подѣхала коляска, гдѣ сидѣли секретарь и камердинеръ Его Высокопревосходительства. Сундуковъ бросился помогать имъ выходить изъ коляски. Для угощенія камердинера былъ командированъ Судья, а около Секретаря хлопоталъ самъ хозяинъ. "Скоро-ли будетъ Его Высокопревосходительство?" спросилъ Сундуковъ. – Сей часъ. Мы верстъ за пять оставили его. – "Князь Ѳедоръ Александровичъ!" кричалъ онъ своему зятю. "Скажи дамамъ, чтобы онѣ выходили."

Между тѣмъ Пронскій отошелъ въ сторону и вмѣшался въ толпу мелочныхъ гостей, во фракахъ, которые стояли поодаль. Сундукову нѣкогда было заниматься имъ: все вниманіе его обращено было на Секретаря; притомъ-же торжественная минута прибытія вельможи приближалась; у него сильно билось сердце, отъ неизвѣстности, успѣетъ-ли онъ угодить ему.

Пронскій увидѣлъ слѣдующія распоряженія. У воротъ ожидалъ самъ хозяинъ, въ мундирѣ и въ башмакахъ. Его окружали всѣ уѣздные чиновники, и много дворянъ, также въ мундирахъ. Не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи стоялъ оркестръ роговой музыки; подлѣ крыльца, на которое вышли, разряженные, въ брильянтахъ и жемчугахъ, жена и дочери Сундукова, находилась духовая музыка; въ открытыя окна дома видѣнъ былъ оркестръ инструментальной музыки и пѣвчіе; подлѣ воротъ, вдоль забора сада, поставлено было нѣсколько пушекъ; доморощенные артиллеристы стоили съ зажженными фитилями и ожидали только знака начать канонаду. Вскорѣ прискакалъ человѣкъ, поставленный, вѣроятно, для того, чтобы дать знать, когда покажется экипажъ въ восемь лошадей. За нимъ явился Исправникъ, въ тѣлѣгѣ, на тройкѣ, весь въ пыли. Сундуковъ бѣгалъ, кричалъ, чтобы всѣ становились по мѣстамъ, и самъ спѣшилъ на свой постъ. Наконецъ прискакалъ откидной дормезъ, въ восемь лошадей; кучеръ кричалъ на форрейторовъ, чтобы поворачивали во дворъ; но вельможа, увидѣвъ, что хозяинъ ожидаетъ его у воротъ, велѣлъ остановиться и вышелъ изъ дормеза. Онъ былъ въ сюртукъ и фуражкѣ, которую снялъ, желая поцѣловаться съ хозяиномъ; но тотъ, не ожидая такой благосклонности, бросился цѣловать его въ плечо, и такъ низко передъ нимъ кланялся, что чуть, чуть не упалъ. Вельможа сухо поклонился прочимъ, и, вмѣстѣ съ Сундуковымъ, пошелъ къ крыльцу. Но лишь только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ раздались звуки роговой музыки, началась пушечная пальба и звонъ въ колокола на колокольнѣ. "Звонятъ въ колокола только для Архіереевъ," сказалъ вельможа, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. – Сегодня, Ваше Высокопревосходительство былъ благодарственный молебенъ за побѣды нашихъ войскъ, потому и звонятъ въ колокола – отвѣчалъ Сундуковъ, который, желая придать болѣе блеску и шуму своему празднику колокольнымъ звономъ, напередъ приготовился къ отвѣту. "А, это дѣло другое!" сказалъ вельможа. На крыльцѣ, при звукѣ духовой музыки, началъ хозяинъ рекомендовать ему жену, Его Сіятельство зятя своего и дочерей. Княгиня Прасковья Тимоѣевна, разумѣется, занимала первое мѣсто; потомъ представилась полковница Глафира Тимоѣевна Чадская, и наконецъ дочери, которыя были не замужемъ.

Лѣстница была уставлена помѣранцовыми и лимонными деревьями, устлана краснымъ сукномъ, и по ступенямъ стояли оффиціанты, и лакеи въ богатыхъ ливреяхъ и въ башмакахъ. При входѣ въ залу раздались звуки инструментальной музыки, и хоръ пѣвчихъ торжественно прославилъ добродѣтели знаменитаго посѣтителя. Его Высокопревосходительство изволилъ выслушать пѣніе, и, поблагодаривъ хозяина, просилъ, чтобы онъ показалъ ему комнату, гдѣ бы ему можно было переодѣться съ дороги. Тотчасъ самъ Сундуковъ повелъ его въ великолѣпно убранную комнату, гдѣ камердинеръ уже ожидалъ вельможу. Между тѣмъ дамы сѣли по мѣстамъ, въ обширной гостиной, гдѣ приготовленъ былъ, на длинныхъ столахъ, завтракъ. Пѣвчіе и музыканты отправились изъ залы, и хозяинъ хлопоталъ, чтобы скорѣе подвезли къ крыльцу экипажъ, въ которомъ Его Высокопревосх. хотѣлъ ѣхать передъ обѣдомъ обозрѣвать новое устройство его деревни. Пушечная пальба и колокольный звонъ продолжали оглушать всѣхъ, пока самъ вельможа не выслалъ сказать, чтобы перестали. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ закричалъ: "Штъ, штъ!" Это значило, что Его Высокопревосх. вышелъ изъ своей комнаты. Онъ былъ въ мундирѣ и въ звѣздахъ своихъ. Сундуковъ, кланяясь ему униженно, просилъ его сдѣлать милость пожаловать въ гостиную; всѣ дамы тотчасъ встали и присѣли передъ нимъ; онъ вѣжливо поклонился и просилъ ихъ садиться. Одна хозяйка, бывшая Княжна, осмѣлилась начать говорить съ нимъ, прося его что нибудь закусить. Вельможа подошелъ къ столу, выпилъ водки, взялъ кусокъ хлѣба и сыру. Тогда началось представленіе, прежде почетныхъ дворянъ уѣзда, потомъ чиновниковъ.

"Извольте представить вамъ, Ваше Высокопрев.," сказалъ Сундуковъ, "почтеннаго нашего дворянина, г. Коллежскаго Совѣтника, Савелья Петровича Рифенатова." Толстая фигура, съ большимъ орлинымъ носомъ, который почти касался до губъ, съ одутлыми щеками и выпученными глазами, въ штатскомъ мундирѣ стариннаго покроя и съ большимъ Аннинскимъ крестомъ, прежней формы, на шеѣ, переваливаясь, подошла къ Его Высокопревосходительству и низко поклонилась. – Очень радъ познакомиться съ вами – сказалъ вельможа. – Гдѣ вы служили? – "Прежде въ Коммерцъ-Коллегіи, а послѣ при таможенныхъ," отвѣчала фигура густымъ басомъ. – Что, имѣніе у васъ родовое, или купленное, въ здѣшнемъ уѣздѣ? – "Благопріобрѣтенное, Ваше Высокопревосходительство, на имя жены моей." – А! понимаю, очень хорошо – прибавилъ вельможа, и отвернулся отъ него. За симъ слѣдовалъ маленькій, худощавый человѣкъ, заика, въ старинномъ гвардейскомъ мундирѣ. "Вотъ изъ лучшихъ и богатыхъ нашихъ помѣщиковъ, отставной Гвардіи Штабсъ-Капитанъ, Сергѣй Аркадьичъ Пустельгинъ." – А! на васъ такой-же мундиръ, какой и я довольно долго носилъ – сказалъ вельможа. – И я служилъ въ этомъ-же полку. Давно ли вы въ отставкѣ? – Пустельгинъ хотѣлъ тотчасъ отвѣчать, заикнулся, и пока еще представляли двухъ, или трехъ дворянъ, не могъ ничего выговорить; наконецъ, къ общему всѣхъ удивленію, вдругъ вскрикнулъ: "20-тъ лѣтъ!" Его Высокопревосходительство закусилъ себѣ губы, чтобы не засмѣяться, но Княгиня Прасковья Тимофеевна, дочь Сундукова, дама веселаго характера, которая и прежде ненавидѣла Пустельгина, смѣялась надъ нимъ, за то, что отецъ принуждалъ было ее выйти за него замужъ, захохотала во все горло и, по знаку отца, спѣшила уйти въ другую комнату.

Послѣ рекомендаціи дворянъ, которые были всѣ въ мундирахъ (а во фракѣ ни одного не осмѣлился Сундуковъ подвести къ Его Высокопревосх.), началось представленіе уѣздныхъ чиновниковъ. "Имею честь представить Вашему Высокопревосх." – продолжалъ хозяинъ – "Уѣзднаго Судью нашего, Г. Кривотолкова: очень хорошій человѣкъ, смѣю вамъ рекомендовать его. Вотъ Гг. Засѣдатели Лѣнтыгинъ и Бульбулькинь. Пожалуйста, извольте подойти сюда, господа," сказалъ Сундуковъ, вызывая ихъ впередъ. Судья, съ большимъ брюхомъ, съ багровымъ лакомъ на лицѣ, въ старинномъ армейскомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ; Лѣнтыгинъ, высокій ростомъ, и также весьма дебѣлый и плотный, и Бульбулькинь, въ милиціонномъ мундирѣ, который отъ толстоты его не могъ уже застегиваться, и съ лицомъ весьма раскраснѣвшимся, потому что онъ нѣсколько разъ, въ продолженіе утра, прикладывался къ штофу съ ерофеи-

чемъ, стоявшимъ, вмѣстѣ съ закускою, въ нижнемъ этажѣ, для гостей такого разбора, всѣ они вытянувшись и сдѣлавъ низкіе поклоны, предстали предъ лицо Его Высокопревосх. – А! это Гг. Чиновники Уѣзднаго Суда. Смотрите: сохрани васъ Богъ, ежели я найду у васъ такой же беспорядокъ и такую-же мерзость, какъ у вашихъ сосѣдей въ Е... уѣздѣ. Они меня вывели изъ всякаго терпѣнія, и будутъ примѣрно наказаны. – "Мы надѣмся, что Ваше Высокопревосход. будете довольны нашимъ городомъ," сказалъ Сундуковъ, а Судья и Засѣдатели низко кланялись. "Вотъ нашъ Исправникъ, Г. Обираловъ," продолжалъ Сундуковъ, взявъ его за руку и представляя весьма плутовскую, блѣдную фигуру; "Рекомендую его Вашему Высокопревосх. и смѣло могу сослаться на всѣхъ господъ дворянъ, что мы всѣ имъ очень довольны. Не правда-ли, господа?" сказалъ Сундуковъ, обращаясь къ дворянамъ, стоявшимъ въ безмолвіи у дверей. Они, вмѣсто отвѣта, кланялись. – Очень радъ слышать такой отзывъ объ васъ – отвѣчалъ вельможа, намазывая масло на кусокъ хлѣба. – А я хотѣлъ было съ вами поссориться: дорога вездѣ порядочная; только на одномъ мосту меня толкнуло. Какъ вы не осмотрѣли и не поправили этого толчка? – "Сознаюсь въ винѣ моей, В. В., и прошу великодушнаго прощенія," отвѣчалъ съ подобострастіемъ Исправникъ. "Причина тому та, что я пекусь о благосостояніи поселянъ; теперь рабочая пора, и я пощадилъ ихъ." – Какъ, М. Г.? Вы говорите неправду! Не далѣе, какъ на послѣдней станціи, въ однодворческомъ селѣ, гдѣ перемѣняли мнѣ лошадей, подана жалоба на васъ, что вы всѣхъ выслали поголовно на большую дорогу, и собирали, будто-бы для моего проѣзда, по 100 лошадей, когда мнѣ всего нужно только 20-ть. – "Клевета, Ваше Высокопревосх., сушая ложь!" продолжалъ Исправникъ, стараясь скрыть свое замѣшательство. – Мы посмотримъ. Я велѣлъ написать бумагу къ Г. Предводителю, нашему почтенному хозяину, Тимофею Игнатьевичу, чтобы онъ сдѣлалъ слѣдствіе по этой жалобѣ. – "Повѣрьте, В. Высокопр., что слѣдствіе будетъ произведено съ безпристрастіемъ," отвѣчалъ Сундуковъ. "Только я напередъ осмѣливаюсь доложить, что просьба несправедлива; я самъ наблюдаю за тѣмъ, чтобы поселянамъ не было никакихъ притѣсненій; какъ-же мнѣ не знать, что Исправникъ позволилъ себѣ выгонять всѣхъ поголовно въ рабочую пору? Вѣрно, подана вамъ просьба въ однодворческомъ селѣ Разграбленномъ?" продолжалъ онъ. "Тамъ волостной писарь, мѣщанинъ Правдухинъ, извѣстный ябедникъ и клеветникъ; я уже давно его замѣтилъ: онъ вѣрно написалъ эту пустую просьбу." – Ежели такъ – отвѣчалъ вельможа – то и слѣдствія производить не надобно, а прикажите посадить этого писаря въ тюрьму на мѣсяцъ, на хлѣбъ и воду, чтобы онъ впредь не осмѣливался писать несправедливыхъ и вздорныхъ жалобъ.

"Бездѣльники, безсовѣстные, безбожные бездѣльники!" сказалъ потихоньку одинъ пожилой помѣщикъ, Кондратій Ивановичъ Вспышкинъ, стоявшій сзади всѣхъ подлѣ Пронскаго, обращаясь къ сосѣду своему, также помѣщику, Андрею Васильевичу Лужницкому. – Да! – отвѣчалъ тотъ – Бога не бояться грабить, обижать, и потомъ наказывать невиннаго человѣка, который осмѣлился возвысить свой голосъ и искать правосудія. – "А мы, дворяне! въ нашихъ глазахъ совершаются такіе беззаконія, и мы молчимъ!" продолжалъ Вспышкинъ, возвысивъ нѣсколько голосъ. – Штъ! тише, тише! отвѣчалъ Лужницкій. Что ты будешь говорить, и къ чему все это приведетъ? Тебя-же назовутъ либераломъ и безпокойнымъ человѣкомъ. Ты знаешь, кажется, уже по опыту, каковъ общій нашъ другъ и представитель нашего сословія, Тимоѣей Игнатьевичъ; онъ вѣкъ не забудетъ, и станетъ мстить тебѣ, ежели ты осмѣлишься сказать что нибудь противъ него. Терпи и молчи: стѣну лбомъ не пробьешь – говоритъ пословица. Вспышкинъ, покраснѣвъ весь отъ досады и нетерпѣнія, отошелъ отъ него, и сѣлъ въ отдаленномъ углу комнаты, подлѣ окна.

"А давно-ли онъ Исправникомъ?" продолжалъ вельможа, обращаясь къ Сундукову. – Уже четвертый выборъ, и я осмѣлюсь доложить В. Высокопр., что мы всѣ имъ довольны; такого Исправника еще у насъ не бывало. – "Ежели такъ, то можно и къ награжденію его представить; не забудьте мнѣ напомнить объ немъ." – Слушаю В. Высокопревосходительство – отвѣчалъ Сундуковъ, низко кланаясь. – Благодари, Карпъ Антоновичъ! Его Высокопр. за милостивое

расположеніе къ тебѣ. – И Карпъ Антоновичъ такъ низко поклонился, что чуть не ударился лбомъ о паркетъ. "А лучше всего, чтобы не забыть, Тимоѣей Игнатьевичъ, дай записку объ немъ моему секретарю, Ивану Ѳомичу." – Слушаю, Ваше Высокопр. – И опять возобновились поклоны его и исправника. Но не угодно-ли будетъ Вашему Высокопр. поѣхать, осмотрѣть новое устройство моей деревни? Вы хотѣли сдѣлать мнѣ эту милость. Экипажъ уже давно готовъ. – "Хорошо, поѣдемъ пока до обѣда. Велите подать мою фуражку." Исправникъ, Судья и нѣсколько дворянъ бросились исполнить его приказаніе, но Сундуковъ выхватилъ ее изъ рукъ другихъ и торжественно поднесъ ему. Въ продолженіе всей сцены сихъ разнообразныхъ рекомендацій, Пронскому нѣсколько разъ приходили въ голову извѣстные стихи Грессета: "Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes" (Какъ низки покровительствуемые, и какъ глупы покровители!).

Его Высокопревосходительство, вмѣстѣ съ хозяиномъ, сѣлъ въ коляску, запряженную шестью прекрасными вороными лошадьми, съ двумя форрейторами; Два высокіе лакея, въ новой красной ливреѣ залитой золотомъ, стали сзади. Исправникъ, которому что-то Его Высокопр. приказывалъ, бѣжалъ долго, у колеса безъ шляпы. Для прочихъ гостей приготовлено было нѣсколько длинныхъ дрожекъ, на которыхъ могло помѣститься человѣкъ по 15-ти на каждой; въ числѣ прочихъ сѣлъ и Пронскій. Всѣ отправились за коляскою, и по прекрасному, гладкому шоссе подѣхали прежде къ башнѣ, стоявшей среди площади. Осмотръ начался съ главной вотчинной Конторы, Сундуковъ, зная чѣмъ болѣе понравится своему посѣтителю, убралъ комнаты, гдѣ находилась Контора, роскошно и со вкусомъ. Стѣны и потолокъ были раскрашены, полъ паркетный, на окнахъ висѣли шторы и гардины. Нѣсколько писарей, хорошей наружности, прекрасно одѣтыхъ, сидѣли за письменными столами красного дерева, которые были покрыты зеленымъ сукномъ. Въ углу стояли дорогіе стѣнные часы; въ шкафахъ, красного дерева, за стеклами, разложены были по годамъ бумаги. Словомъ: все находилось въ такомъ отличномъ порядкѣ и чистотѣ, что Его Высокопр. былъ въ полномъ восторгѣ. Оттуда пошли смотрѣть хлѣбный магазейнъ и пожарные инструменты. Но Пронскій оставилъ компанію и отправился къ крестьянамъ, которые, въ сапогахъ, синихъ кафтанахъ, держа въ рукахъ хорошія, новыя шляпы, стояли каждый у воротъ своего дома.

"Какъ у васъ все хорошо!" сказалъ онъ, обращаясь къ одному старичку. "Какое изобиліе во всемъ! Какъ вы славно одѣты? Какой добрый баринъ у васъ! Это отецъ, а не помѣщикъ. Вы должны безпрестанно Богу молиться за него. Я еще отъ роду лучше этого ни чего не видывалъ." – Отецъ... – отвѣчалъ старикъ, сквозь зубы, унылымъ голосомъ. – Читаемъ мы ему молитвы! Чтобы ему ни дна ни покрышки не было! Раззорилъ насъ до корня, измучилъ поголовною работою; мы изъ зажиточныхъ крестьянъ, пока за грѣхи наши ему не попались, пришли теперь, что называется, въ конецъ. – "Какъ-же ты раззоренъ? На тебѣ сапоги, синій прекрасный кафтанъ и новая шляпа..." – Нешто это мое? Все барское. Вотъ, какъ вы только уѣдете, все неси назадъ въ *гамазею*, а ежели кто, упаси Боже, изодралъ, или измаралъ, то такъ еще спину нагрѣютъ, что ничему не будешь радъ. Дома наши тебѣ, баринъ, нравятся; но пословица говорить: не красна изба углами, а красна пирогами. Да и дома-то это не наши; мы въ нихъ никогда не живемъ; выгоняютъ насъ сюда только напоказъ, на время; ежели хочешь посмотрѣть, то пройди въ низенькую калитку черезъ дворъ; тамъ увидишь наши хаты и посмотришь наше житье-бытье. Бабы мои, я чаю, обѣдаютъ. Насъ выслали съ утренней зари и велѣли стоять у воротъ. Бабы проголодались и пошли поѣсть, а я умираю съ голоду, но не смѣю отойти. Не посмотрять, что я старъ: прикащикъ такой озорникъ, такой нехристь, что изуродуетъ на вѣкъ.

Пронскій отправился посмотрѣть въ настоящемъ видѣ житье крестьянъ *отца*-помѣщика, у котораго повсюду видно было изобиліе и столь отличный порядокъ. Онъ прошелъ черезъ калитку въ огородъ, и увидѣлъ подъ горою полуразвалившуюся, черную избу, крытую соломою, въ которой нашелъ всю семью за обѣдомъ. Въ числѣ ихъ увидѣлъ онъ двухъ бабъ, и одного мальчика и дѣвочку, одѣтыхъ въ праздничныя, чистыя платья. Они, по видимому, спѣшили

ѣсть, чтобы поскорѣе поспѣть къ своему мѣсту. Прочіе были въ изодранныхъ, запачканныхъ рубашкахъ, отвратительной нечистоты, и босикомъ. Пустыя щи и блюдо варенаго картофелю, составляли весь обѣдъ ихъ. Хлѣбъ былъ по поламъ съ мякиною, и даже, какъ замѣтилъ Пронскій, въ соли имѣли они большой недостатокъ. Старуха бабушка, вѣроятно, жена старика, съ которымъ онъ говорилъ, держала подлѣ себя, въ ветошкѣ, немного соли, и маленькими щепотками одѣляла всѣхъ. На столѣ стояло ведро воды, изъ котораго черпали и пили ковшиками. Всѣ удивились входу Пронскаго, и хотѣли встать. «Не вставайте! не вставайте!» сказалъ онъ. «Хлѣбъ, да соль! Кушайте на здоровье! Я такъ, нечаянно, зашелъ къ вамъ.» – А ты что, кормилецъ, видно холопъ пріѣзжихъ господъ? – «Да, голубушка, я лакей.» – Какой-то, вишь, *ендараля* пріѣхалъ къ нашему барину, и весь въ звѣздахъ; посмотрѣла-бы я на него, что это за *ендаралы* такіе. – «Да кто-жъ тебѣ мѣшаетъ? Выдь на улицу: онъ сей часъ здѣсь проѣдетъ.» – Да, поди-ка ты! Покажись только при немъ на улицѣ въ этомъ зипунѣ, такъ изуродуютъ, что не скоро забудешь. – Пронскій съ состраданіемъ смотрѣлъ на нихъ. «Скажи, старушка: неужели у васъ и квасу нѣтъ, что вы воду пьете?» – Вишь ты какой! Да откуда взять квасу? Мы и хлѣбъ пополамъ съ мякиною ѣдимъ. . . . Да что вы, молодичи, такъ тутъ замѣшались? послѣ поѣдите; ступайте-ка, ступайте; того и гляди, что за васъ еще старика моего побьютъ. – Пронскій вынулъ десяти рублевую ассигнацію и подаль старушкѣ. «На, тебѣ, бабушка! Купи соли, да чистой хорошей муки, на хлѣбъ и на квасъ.» Старуха смотрѣла на него, выпучивъ глаза, и, отъ удивленія, не знала, что отвѣчать. Съ стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ онъ изъ избы.

У воротъ нашель онъ того-же старика, сильно аттакованнаго молодымъ парнемъ, десятискимъ, который хотѣлъ его бить за то, что бабъ и ребятишекъ нѣтъ. "Э, полно, Сидорко, лаяться-то!" отвѣчалъ старикъ. "И безъ тебя тошно. Съ утра маковой росинки во рту не было, а ты еще ругаешься. Довольно и одной собаки, прикащика, а тебѣ-бы не кстати бранить старика, еще дядю. Бабы проголодались и пошли поѣсть; за разъ будутъ назадъ." – Да не лъзя-же, самъ ты вѣдаешь: коли прикащикъ увидить, что ихъ нѣтъ, то мнѣ-же достанется. Но, постой, я побѣгу, позову ихъ. Еще демонъ нашъ (такъ называли они своего помѣщика) во дворѣ у дѣдушки Кузьмы; вѣстимо, бабы твои и ребятишки успѣютъ подойти." – Онъ въ самомъ дѣлѣ пришли въ это время, и десятскій отправился далѣе.

Пронскій, не бывъ никѣмъ замѣченъ, присоединился къ компаніи, и вмѣстѣ съ прочими ходилъ по крестьянскимъ домамъ. Вездѣ была необыкновенная чистота: все было прибрано и на мѣстѣ; каменные тарелки, деревянные чашки, ложки, лежали въ порядкѣ, въ шкафахъ; полы, лавки, столы, все было вымыто и вычищено. Въ нѣкоторыхъ домахъ нашли они, какъ будто приготовленные, обѣды. Сундуковъ увѣрялъ, что хозяйева недавно возвратились съ работы, и привлеченные любопытствомъ видѣть Его Высокопр. не успѣли отобѣдать. Хорошо выпеченный хлѣбъ, жирныя щи, съ ветчиною, жареная курица, утка, или поросенокъ, и пшенная каша, съ масломъ, стояли на столѣ для *пды* крестьянъ; вкусный квасъ, въ бѣлыхъ, глиняныхъ кувшинахъ, *готовъ былъ утолять ихъ жажду*. Самъ Его Высокопр. все отвѣдывалъ, и находилъ прекраснымъ. Вообразите – сказалъ Пронскому на ухо тотъ-же пожилой дворянинъ, Лужницкій, который удержалъ восклицаніе сосѣда своего Вспышкина, при разсказѣ Сундукова о доблестяхъ Исправника – вотъ этотъ жареный поросенокъ весьма мнѣ знакомъ. Въ пяти, или шести домахъ вижу я его; онъ очень проворно и искусно перебѣгаетъ; мы, вѣроятно, еще встрѣтимся съ нимъ; я нарочно, для замѣтки, оторвалъ ему ухо. – Пронскій горько улыбнулся и не отвѣчалъ ничего. Ему извѣстно было, чѣмъ и какъ питаются благополучные крестьяне Сундукова.

"Ну что, ребята?" сказалъ вельможа обращаясь къ нѣкоторымъ крестьянамъ. "Вѣдь вамъ гораздо лучше и спокойнѣе жить въ чистыхъ, бѣлыхъ домахъ, чѣмъ въ прежнихъ, черныхъ избахъ вашихъ?" – Какъ-же, кормилецъ, Ваше Происходительство, вѣстимо лучше – отвѣчали они, съ низкими поклонами, по знаку помѣщика. "Я вижу у васъ во всемъ такое изобиліе и довольство; вы должны Бога молить: у васъ не баринъ, а отецъ." – Такъ, Ваше *Происходи-*

тельство, много довольны его милостію: не баринъ, а отецъ. – «Вотъ, господа!» продолжалъ вельможа, относясь къ дворянамъ, «вамъ-бы всѣмъ должно брать примѣръ съ Тимоѳея Игнатьевича, и устроить въ своихъ деревняхъ такой-же порядокъ. Очень, очень все хорошо, и превзошло мое ожиданіе, почтенный нашъ хозяинъ! Я поставлю себѣ долгомъ представить объ васъ, какъ о благомыслящемъ помѣщикѣ, дѣлающемъ честь своему сословію!» – прибавилъ онъ, садясь въ коляску. Тимоѳеи Игнатьевичъ, отпустивъ нѣсколько пренизкихъ поклоновъ, сѣлъ подлѣ него. "У меня память не хороша, сказалъ вельможа оставшись съ нимъ наединѣ въ коляскѣ – «скажите моему Секретарю, чтобы онъ напомнилъ мнѣ.» Сундуковъ, зная, что значить это *напамятованіе*, не сомнѣвался уже послѣ того, что онъ будетъ представленъ къ награжденію.

Пронскій нарочно, изъ любопытства, остался въ деревнѣ, чтобы посмотрѣть дальнейшія распоряженія послѣ *показа*. Прикащикъ, съ старостою и десятскими, ходилъ по дворамъ, отбиралъ отъ всѣхъ *показныя* платья, сапоги и шляпы, осматривалъ и складывалъ на особыя подводы. Нѣкоторые крестьяне, имѣвшіе несчастіе замарать, или прорвать кафтаны, тутъ-же на мѣстѣ были прибиты прикащикомъ, а одному, сверхъ побой, объявлено, чтобы онъ къ вечеру привелъ корову свою на господскій дворъ, за то, что нашлось большое дегтярное пятно на его кафтанѣ. Кушанье, поставленное *на показъ* въ нѣкоторыхъ домахъ, также отбиралось, и было отправляемо въ застольную, для гостиныхъ людей.

Потомъ пошелъ нарядъ въ городъ, въ барскую больницу. Человѣкъ сорокъ *здоровыхъ больныхъ* назначены были на эту продѣлку. Всякому изъ нихъ прикащикъ объявлялъ его ролю. «Смотрите-же, не забываете!» восклицалъ онъ. «Ты, Архипка, долженъ совсѣмъ лечь въ постелю, надѣть колпакъ, закрыться одѣяломъ и не говорить ни слова: ты боленъ горячкою. Ты, Евстрашка, долженъ подвязать руку: ты порубилъ ее нечаянно топоромъ. У тебя, Лозушка, бываетъ лихоманка черезъ два дня. Ты, Евсташка, возьми костыль: ты упалъ съ возу и разшибъ себѣ ногу.» Такимъ образомъ всѣмъ имъ объяснилъ онъ роли, съ наистрожайшимъ подтвержденіемъ не забывать, кому что говорить, и тотчасъ ѣхать въ городъ, въ больницу. Послѣ того прикащикъ отправился домой, а Пронскій еще прошелъ по деревнѣ, и слышалъ, что крестьяне разсуждали между собою. Ежели-бъ добрый отецъ-помѣщикъ зналъ, какъ они благословляли его имя и какія читали ему похвалы!!!

Пронскій возвратился передъ самымъ обѣдомъ. Столъ накрытъ былъ человѣкъ на 70-ть. Большія, серебряныя, суповыя чаши стояли по концамъ; въ срединѣ помѣщены были бронзовые, дорогіе канделябры, съ приготовленными свѣчами, которыхъ, по лѣтнему тогдашнему времени, никакой не было нужды зажигать; но Сундуковъ видалъ это за большими обѣдами въ Петербургѣ и Москвѣ; притомъ, когда-же удобнѣе и приличнѣе ему было показать ихъ и блеснуть своими дорогими бронзами? подлѣ нихъ и вдоль стола, между хрустальными тарелками и чашами съ фруктами, конфетами и вареньемъ, стояли прекрасныя фарфоровыя вазы съ цвѣтами; на срединѣ стола помѣщено было большое померанцовое дерево. Такъ все было убрано и украшено, какъ для свадебнаго пиршества. Для Его Высокопревосходительства приготовлено было особое почетное мѣсто, и приборъ поставленъ былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ. Золотыя: ложка, вилка и ножикъ, положены были для него, и къ его мѣсту придвинуты большія кресла, обитыя бархатомъ. Сундуковъ самъ вездѣ бѣгалъ, суетился, осматривалъ, и когда все было готово, доложилъ Его Высокопревосходительству. Онъ подаль руку старушкѣ, матери хозяина; сынъ насилу могъ уговорить ее снять платокъ, который она всегда носила на головѣ, и для такого торжественнаго дня надѣть чепчикъ.

Когда Его Высокопревосх. занялъ свое мѣсто, то и всѣ прочіе осмѣлились сѣсть: дамы помѣстились по обѣимъ сторонамъ, вблизи его; мужчины, по чинамъ и старшинству, сѣли далѣе. Сундуковъ, размѣщая гостей своихъ, наконецъ замѣтилъ Пронскаго, и просилъ его занять мѣсто выше; онъ поблагодарилъ, и сѣлъ ниже всѣхъ, напротивъ героя праздника, чтобы имѣть возможность видѣть, что еще будетъ далѣе. Хозяину неизвѣстно было, что Пронскій

знакомъ съ Его Высокопревосх. "Какимъ образомъ," думалъ онъ, "посадить *фрачника*, на которомъ не было никакого знака отличія, выше прочихъ?" Онъ не настаивалъ, и былъ очень радъ, что Пронскій сѣлъ на концѣ. "Честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ, думалъ Сундуковъ. Самое-же главное: ему нѣкогда было заниматься Пронскимъ; все вниманіе его устремлено было на то, чтобы угостить Его Высокопревосх. и сохранить должный порядокъ въ подаваніи кушанья и винъ.

Лишь только всѣ помѣстились, раздались звуки инструментальной музыки, и хоръ воспѣлъ новое прославленіе доблестей Его Высокопревосх. Не всѣ слова можно было понять, однакожъ Пронскій слышалъ: *отецъ, вѣнецъ, сердцеъ*. Послѣ того доморощенная пѣвица, у которой былъ довольно громкій и звонкій, но необработанный голосъ, запѣла соло, арію изъ Русалки: *Приди въ чертогъ ко мнѣ златой, приди, о Князь мой драгой!* Капельмейстеръ думалъ, что приличнѣе этой аріи ничего быть не можетъ. Князь, разумѣется, вельможа, а чертогъ златой домъ его помѣщика, гдѣ угощается Его Высокопревосх. Пѣвица отпускала при этомъ такія чудесныя рулады, что Пронскій насилу могъ держаться отъ смѣха; замѣтно было, что и Его Высокопревосх. съ трудомъ сохраняетъ свою важность.

Между тѣмъ хозяинъ не садился за столъ, стоялъ почти безотлучно при вельможѣ, и при всякомъ блюдѣ низко кланялся, съ просьбою покушать. Украшеніемъ обѣда былъ ужасной величины осетръ: четыре человѣка съ трудомъ носили его кругомъ стола; на немъ основывалъ Сундуковъ всю надежду свою, и торжественная улыбка показалась на лицѣ его, когда осетръ явился въ залу, и Его Высокопревосходительство изволилъ сказать, что онъ никогда такой величины не видывалъ. Тутъ сердце Сундукова успокоилось, и онъ на нѣкоторое время отлучился, чтобы поѣсть чего нибудь, и узнать, все-ли готово, и ждетъ-ли на назначенномъ мѣстѣ человѣкъ пустить ракету, для возвыщенія о пушечной пальбѣ, тогда, какъ будутъ пить здоровье знаменитаго посѣтителя.

Между тѣмъ, изъ вѣжливости, Его Высокопревосх. изволилъ вступить въ разговоръ съ сидѣвшею близъ него старушкою, матерью хозяина. "Какой добрый и почтенный человѣкъ, вашъ Тимоѣей Игнатьевичъ," сказалъ онъ. "Въ какомъ у него все порядкѣ. Ваше родительское сердце должно радоваться, смотря на него." – Да, батюшка Ваше Высокое-Превосходительство, много всѣмъ довольна, по милости Божіей. – "У васъ есть еще дѣти? Всѣ они пристроены? И всѣ такъ-же хорошо живутъ, какъ Тимоѣей Игнатьевичъ?" – Такъ, Ваше Высокое-Превосх., всѣ пристроены, дочки замужемъ, сынки поженились. – "Такого примѣрнаго согласія, какъ въ вашемъ семействѣ, рѣдко найти можно; все это вамъ дѣлаетъ честь, что вы такъ хорошо воспитали дѣтей," прибавилъ Его Высокопревосх., хотя онъ зналъ, что почтенный Тимоѣей Игнатьевичъ обидѣлъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, присвоилъ себѣ большую часть отцовскаго капитала, покупкою на свое имя значительнаго имѣнія, и потомъ, по смерти отца, вошелъ въ участіе во всемъ, что послѣ него осталось. Ему извѣстно было, что онъ въ явной враждѣ со всѣми родными, и что даже самой маменькѣ бываетъ иногда худое житье отъ него, особенно-же гдѣ коснется до интереса. Все это зналъ Его Высокопревосх.; но "даръ слова данъ человѣку на то, чтобы не говорить правды, и скрывать, что онъ думаетъ." сказалъ извѣстный Министръ покойнаго Наполеона. Старушка Лукерья Ильинишна, мать Сундукова, не знала этого прекраснаго правила, и, можетъ быть, выболтала-бы все, что у нея было на сердцѣ, ежели-бы разговоръ ея съ вельможею не былъ прерванъ. Приближалась важная эпоха: питье за здоровье Его Высокопревосходительства. Хозяинъ подошелъ къ нему; у всѣхъ гостей были налиты бокалы Шампанскимъ; по данному знаку, всѣ встали, поклонились ему, и выпили за его здоровье. Въ то-же время пущена была ракета, началась сильная и продолжительная пальба изъ пушекъ; трубы, волторны и литавры заиграли тушъ; потомъ хоръ пѣвчихъ воспѣлъ аллегро, новое, *прославимъ, прославимъ*. Его Высокопрев. самъ изволилъ подняться съ своихъ креселъ, и гости опять встали; онъ благодарилъ, и на всѣ стороны раскланивался съ милостивою улыбкою. Когда все успокоилось, и доморощенная пѣвица вновь пропѣла съ прежнимъ искусствомъ арію Зло-

мѣки, изъ Оперы: *Илья богатырь*, съ аккомпанированіемъ всего хора, Его Высокопревосходительство, взявъ недопитый свой бокаль Шампанскаго, опять приподнялся съ своего мѣста, сказавъ: «За здоровье хозяина и все-го почтеннаго его семейства!» Жена и дочери Сундукова низко присѣдали ему; но старушка Лукерья Ильинична, маменька его, оглушенная пальбою и литаврами, не вслушалась о чемъ дѣло и спокойно сидѣла. Съ негодованіемъ подбѣжалъ къ ней сынъ, и толкая ее подъ бокъ, сказалъ, чтобы она встала и кланялась Его Высокопревосх. Въ то-же время выхватилъ онъ за руку изъ-за стола зятя своего, Князя Буасекова, и подошедши вмѣстѣ съ нимъ къ вельможѣ, кланялись и благодарили. Сундуковъ былъ въ полномъ восхищеніи, что Его Высокопрев., столь торжественно, и въ столь многочисленномъ обществѣ, удостоилъ выпить его здоровье; онъ бросился цѣловать его въ плечо.

Наконецъ, обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился. Его Высокопревосход. повелъ опять Лукерью Ильиничну въ гостиную. Тотчасъ подали кофе, и сама хозяйка, жена Сундукова, зная, что вельможа любятъ и привыкъ курить послѣ обѣда, поднесла ему трубку его, а дочь ея, Княгиня Прасковья Тимоѣевна, восковую спичку, чтобы раскурить. Онъ долго не соглашался, говоря, что ему совѣстно беспокоить дамъ; но онъ всѣ, молча, присѣдали передъ нимъ, и не смѣли садиться прежде его. Онъ закурилъ трубку, сѣлъ на диванъ и поставилъ подлѣ себя чашку съ кофеемъ въ это время и дамы заняли мѣста свои; но мужчины всѣ стояли въ молчаніи подлѣ дверей. Пронскій продолжалъ свои наблюденія находясь сзади всѣхъ. Къ нему подошелъ опять тотъ-же помѣщикъ Лужницкій, и показывая на остатки обѣда въ залѣ, сказалъ: "Вы, вѣрно, хорошо покушали, а я такъ совѣмъ напротивъ: мнѣ не досталось мѣста за большимъ столомъ, а въ нижнемъ этажѣ, гдѣ было приготовлено для нашей братии, мѣлко-помѣстныхъ, ничего почти не подавали. Весьма небольшое доходило съ вашего стола до насъ; всѣ блюда послѣ васъ носили прежде къ каммердинеру Его Высокопревосх., потомъ къ собственному его кучеру и лакеямъ, а что уже отъ нихъ оставалось, подавали намъ, и то не все, но чѣмъ угодно было пожаловать столовому дворецкому. А насъ внизу было человѣкъ тридцать: вы можете вообразить, какъ мы хорошо накормлены! Я такъ голоденъ, что съ удовольствіемъ-бы поѣхалъ домой ѣсть свои щи, да не смѣю." – Какъ не смѣете? – отвѣчалъ Пронскій. – Кто вамъ можетъ запретить? – "Да, сохрани Богъ, еще какъ нибудь вспомнить и хватится меня хозяинъ! Съ нимъ послѣ вѣкъ не раздѣлаешься." – Помилуйте! чего вамъ бояться? Вы не только такой-же дворянинъ, какъ онъ, но вѣрно лучше его. Я слышалъ: есть еще старики, которые помнятъ отца его цѣловальникомъ. – "Я самъ это помню, и видалъ теперешняго почтеннаго представителя нашего сословія, Тимоѣя Игнатьевича, обстриженнымъ въ кружокъ, въ одной рубашкѣ и босикомъ, играющаго съ деревенскими мальчишками въ томъ селѣ, гдѣ отецъ его былъ цѣловальникомъ. Но времена перемѣнились; теперь онъ знатный баринъ, первый въ нашемъ уѣздѣ; онъ способенъ разсердиться за всякій вздоръ; а что онъ злопамятенъ и мстителенъ, я, къ несчастію знаю по опыту. Только не давно, слава Богу, мы кое-какъ помирились, и опять сошлись съ нимъ, а то приходило было мнѣ очень жутко. Не мудрено, нашего брата, бѣднаго дворянина, притѣснить и раззорить."

Между тѣмъ Его Высокопревосх. отказался отъ партіи въ вистъ, для него составленной; сидя на диванѣ, переважно изволилъ онъ курить трубку, и бесѣдуя съ хозяйкою, пускалъ дымъ прямо ей въ носъ. Онъ говорилъ съ нею о Москвѣ, гдѣ она родилась и до замужства жила безвыѣздно; рассказывалъ объ отцѣ ея Князѣ Развратовѣ, съ которымъ они служили вмѣстѣ въ гвардіи, и много дѣлали проказъ въ своей молодости. Сундуковъ съ удовольствіемъ слушалъ рассказы его, и внутренно радовался, что имѣетъ честь принадлежать къ такому семейству, которое извѣстно Его Высокопр., кстати улыбался, и изрѣдка осмѣливался вмѣшиваться въ разговоръ.

Вельможа сказалъ хозяину, чтобы онъ познакомилъ его съ дочерьми своими. Тотчасъ *Княгиня Прасковья Тимоѣевна Буасекова*, и *Полковница Глафира Тимоѣевна Чадская*, были вновь подведены къ Его Высокопр., и рекомендованы отцомъ, а меньшія дочери, которыя еще

не были замужемъ, никакъ не отважились подойти вмѣстѣ съ сестрами. Вельможа просилъ ихъ сѣсть подлѣ себя и обратился съ разговорами къ нимъ: онѣ, въ особенности-же Глафира, были не застѣнчивы, и умѣли поддержать бесѣду съ нимъ. «Вашего Князя я имѣлъ честь видѣть, а гдѣ-же вашъ супругъ?» – спросилъ онъ у Глафиры. Сундуковъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы очернить и оклеветать Чадскаго, рассказывалъ о мнимыхъ недостойныхъ поступкахъ его противъ жены, которые наконецъ вывели ее изъ терпѣнія, и принудили возвратиться въ родительскій домъ, то есть, онъ самъ обманувъ и поступивъ съ Чадскимъ столь вѣроломно, его-же обвинялъ и клеветалъ. Но это очень обыкновенно. И какимъ образомъ дѣйствовать иначе людямъ такого разбора, каковъ былъ Сундуковъ?

Въ такихъ и тому подобныхъ разговорахъ шло время. Иныя дамы осмѣливались шопотомъ говорить между собою; но мужчины стояли у дверей, сохраняя глубокое безмолвіе. Все это наконецъ надоѣло Пронскому; онъ искалъ шляпы своей, и хотѣлъ уѣхать домой. "Что вы ищете?" сказалъ ему Лужницкій. – Шляпу; я хочу ѣхать домой. – "Да вы, видно, никогда еще не бывали на праздникахъ Тимоѣея Игнатьевича, и вамъ здѣшній обычай неизвѣстенъ? позвольте спросить: съ кѣмъ я имѣю честь говорить?" Я Генераль-Маіоръ Пронскій. – "Ахъ, В. Пр., извините, что я осмѣлился такъ фаімилиярно говорить съ вами!" – Помилуйте – отвѣчала Пронскій, пожавъ его руку. – Но скажите, какой-же здѣсь обычай? Ежели тотъ, что Г-нъ Сундуковъ изволить сердиться на тѣхъ, кто рано уѣзжаетъ, то я очень равнодушенъ къ его гнѣву, потому что, кажется, я въ первый и въ послѣдній разъ въ его домъ. – "Это первое, что онъ гнѣвается на тѣхъ, кто не досматриваетъ праздниковъ его до конца; но, разумѣется, для Вашего Превосходительства все равно, будетъ-ли онъ сердиться или нѣтъ; самое главное, что вы не дождетесь вашего экипажа, всѣ гостиныя лошади отсылаются на хуторъ, версты за три, и здѣшнимъ людямъ строго запрещено, не только по приказанію гостя ходить за его экипажемъ, но даже звать и собственнаго его слугу, котораго-бы могъ онъ послать на хуторъ. Игнатій Тимоѣевичъ очень часто, и съ свойственною ему учтивостію, говоритъ намъ, что домъ его не трактиръ, чтобы поѣвши тотчасъ уѣхать, и что ежели онъ дѣлаетъ честь, зоветъ кого къ себѣ, то надобно знать этому цѣну: изъ чего-же онъ убытчится? Словомъ: ежели кто пріѣхалъ къ нему на праздникъ, то жди до конца." – Вотъ прекрасное угощеніе! – отвѣчала со смѣхомъ Пронскій. – Но, видно, дѣлать нѣчего; надобно вооружиться терпѣніемъ. Да что-жъ такое еще будетъ? – "О, Ваше Превосходительство! увидите еще много чудесъ." – Посмотримъ, посмотримъ; въ чужой приходъ съ своимъ уставомъ не ходи – прибавилъ Пронскій. – Впрочемъ, я и не въ претензіи, что по необходимости должно еще здѣсь оставаться; весьма любопытенъ досмотрѣть до конца праздникъ Г-на Сундукова: сядемъ пока. – Собесѣдникъ его кланялся, но сѣсть подлѣ Его Превосходительства никакъ не отважился.

Изъ-за стола встали въ 6-ть часовъ. Пронскій посмотрѣлъ на свои часы: уже было 8-го половина. "Что-жъ такъ долго длится бездѣйствіе?" сказалъ онъ. "Пора-бы начинать еще какія нибудь штуки." – Теперь вѣрно мы скоро пойдемъ въ театръ – отвѣчала Лужницкій. И дѣйствительно, въ то-же время сдѣлался шумъ въ гостиной. Его Высокопревосх., по приглашенію хозяина, всталъ съ своего мѣста, и прямо по лѣстницѣ, черезъ балконъ, отправился въ театръ, бывшій въ саду; за нимъ гурьбою послѣдовали всѣ гости.

Спектакль начался Прологомъ въ честь Его Высокопревосходительства. Прологъ былъ сочиненъ, или, лучше сказать, составленъ, домашнимъ секретаремъ и главнымъ конторщикомъ Сундукова, въ родѣ Пана Чупкевича (*Полубарскія затѣи*, ком. соч. Кн. А. А. Шаховскаго). Онъ очень удачно извлекъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненнаго Державинымъ описанія праздника, даннаго Княземъ Потомкинымъ Великой Екатеринѣ, приклеилъ къ тому много стиховъ изъ его-же описанія *обители Добрады*, и заимствовалъ даже оттуда, весьма кстати: ау! ау! ау! Изъ всей этой смѣси, украшенной нѣкоторыми чудесными стихами, собственнаго сочиненія самаго автора, вышла такая галиматѣя, что безъ смѣха слушать было нельзя. Стихи говорилъ самъ конторщикъ-авторъ, одѣтый въ какой-то древній хитонъ, а домашняя пѣвица, въ видѣ

Нимфы, пропѣла похвальную пѣснь, и надѣла лавровый вѣнокъ на бюстъ Его Высокопревосходительства. Потомъ, оба дѣйствующія лица, подошли къ оркестру, низко поклонились, и чрезъ капельмейстера подали говоренные и пѣтые ими стихи Сундукову, который торжественно поднесъ ихъ Его Высокопревосходительству.

Крѣпостная труппа Сундукова уже давно разстроилась. Доморощенные его Милоны, Честоны, Валеры, Эрасты и Эндиміоны, нѣкоторые въ 1812-мъ году поступили въ ополченіе, другіе послѣ того, за пьянство и буйство, согнаны были съ театра и опредѣлены въ низкія должности. Прелестная, но уже поустарѣвшая *примадонна* его, за дурное поведеніе, отдана была за крестьянина замужъ; словомъ: всѣ его Діаны, Флоры, Нимфы, Дріады растратились, и нѣкоторые со славою исправляли должности скотницъ и стряпухъ для застольныхъ людей. Но Сундуковъ выписалъ для торжественнаго дня труппу актеровъ изъ губернскаго города. Первая пьеса, представленная ими, была старинная, впрочемъ хорошая комедія: *Точь въ точь*. Въ ней весьма *кстати* были на сценѣ пьяница и взяточникъ воевода, грабитель подьячій, глупая и злая госпожа, то есть, представлена была въ лицахъ исторія многихъ изъ гостей; но, разумѣется, этого никто на свой счетъ не бралъ, и всѣ смѣялись отъ чистаго сердца. Спектакль окончился комедіею Князя А. Д. Шаховскаго: *Ссора, или два сосѣда*. Тутъ также было многое не въ бровь, а прямо въ глазъ. Въ антръ-актахъ подавали гостямъ чай, и вельможа, по убѣжденію хозяйки, опять курилъ трубку,

Въ 10-ть часовъ спектакль кончился, и гости, возвращаясь черезъ садъ въ домъ, обзрѣли иллюминаціи. Передъ окнами горѣлъ большой щитъ, съ вензелемъ Его Высокопревосх., и съ надписью кругомъ: *Отъ признательнаго сердца хозяина высокопочтенному посетителю*. Зала и всѣ комнаты были ярко освѣщены, и тотчасъ открылся балъ. Вельможа прошелъ нѣсколько разъ въ, Польскомъ, съ хозяйкою и съ дочерью ея, опять отказался отъ картъ, и сѣлъ въ залъ, въ приготовленные для него особые кресла.

Пронскій, при выходѣ изъ театра, увидѣлъ наконецъ своего слугу, и послалъ его отыскать и привести тотчасъ коляску, а самъ пока отправился въ залу, смотрѣть на провинціальныя танцы. Хозяинъ, за недосугами, не успѣлъ отрекомендовать его женѣ и дочерямъ. Пронскій не находилъ нужнымъ подходить къ нимъ, и не располагаясь уже никогда впередъ быть въ домѣ Сундуковыхъ, очень радъ былъ, что сохранилъ инкогнито, и можетъ уѣхать, не бывъ никѣмъ замѣченъ. Въ ожиданіи коляски, стоялъ онъ въ залѣ, въ толпѣ *фрачниковъ*; но Каролина Карловна, проходя въ Польскомъ близъ него, вскричала: «Ахъ! Ваше Превосходительство, и вы здѣсь? Я думала, вы не пожалуете сюда.» Слово: Ваше Превосходительство, поразило слухъ вельможи; онъ обратилъ лорнетъ свой въ ту сторону, и увидѣвъ Пронскаго въ толпѣ, тотчасъ всталъ и пошелъ къ нему. Всѣ почтительно отступили передъ нимъ, и хозяинъ, замѣчая каждое движеніе вельможи, далъ знакъ музыкѣ перестать, и самъ поспѣшилъ за нимъ.

"Ахъ! Выше Превосходительство, Николай Дмитріевичъ! Какъ я радъ васъ видѣть! Какимъ образомъ вы здѣсь?" сказалъ вельможа, бросаясь цѣловать Пронскаго. — Я пріѣхалъ, вмѣстѣ съ женою, къ брату ея. . . . — "Какъ: вы женились? Я не зналъ этого; позвольте мнѣ поздравить васъ," продолжалъ вельможа, и снова началъ цѣловать его. — На крестинахъ сына, и у брата жены моей, имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ Тимоѣемъ Игнатьевичемъ, и приглашенъ имъ былъ на его праздникъ. — "Такъ вы здѣсь уже давно?" — Съ утра. — "И обѣдали здѣсь?" сказалъ вельможа, посмотрѣвъ съ неудовольствіемъ на Сундукова. — Я имѣлъ честь всепокорнѣйше просить Его Превосходительство, Николая Дмитріевича, занять за обѣдомъ мѣсто подлѣ Вашего Высокопревосходительства; но Его Превосходительству самому не угодно было — отвѣчалъ, въ большемъ смущеніи, Сундуковъ. — "Я не хотѣлъ беспокоить васъ, притомъ-же думалъ тотчасъ послѣ обѣда уѣхать; но почтенный нашъ хозяинъ угощаетъ по старинному Русскому обычаю: не любить, чтобы гости его скоро разѣжались, и употребляетъ самыя благонадежныя средства къ тому: отсылаетъ куда-то далеко экипажи ихъ, такъ, что я до сего времени не могу дожидаться своей коляски. Впрочемъ, я ни сколько не въ претензіи за это,"

прибавилъ Пронскій, пожимая руку у Сундукова. "Я очень благодаренъ за угощеніе ваше, и пріятно провелъ время въ вашемъ обществѣ."

"Но что-жъ мы стоимъ? Не угодно-ли Вашему превосходительству, сядемъ вмѣстѣ ска- залъ вельможа, и взявъ Пронскаго подъ руку, повелъ къ своему мѣсту. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту сцену. Хозяинъ былъ въ большемъ смущеніи, видѣвъ неудовольствіе вель- можи. "Отъ чего прекратились ваши танцы?" сказалъ ему вельможа, посмотрѣвъ на него, опять съ негодованіемъ. Сундуковъ еще больше смѣшался, сдѣлалъ знакъ музыкантамъ, чтобы они играли и самъ выталкивалъ изъ толпы танцоровъ, не смотря уже, кто былъ въ мундирѣ, или во фракѣ. Между прочими, отъ страха, толстый Судья Кривосудовъ, Исправникъ и два Засѣ- дателя, пустились прыгать въ экосезъ, можетъ быть, иные еще въ первый разъ отъ роду.

Вельможа былъ внутренно взбѣшенъ; онъ никакъ не воображалъ имѣть такого свидѣ- теля всѣхъ продѣлокъ своихъ, въ продолженіе этого дня. Пронскій былъ извѣстенъ и принять въ лучшемъ кругу въ Петербургѣ и въ Москвѣ; онъ могъ рассказать, какимъ образомъ обо- дился онъ съ дворянами и чиновниками, и какъ еще притомъ курилъ трубку при дамахъ. Вос- поминаніе о такихъ подвигахъ, и мысль, что они могутъ быть представлены въ весьма смѣш- номъ видѣ, усиливали досаду его. Однакожъ онъ преодолѣлъ себя; на лицѣ его не замѣтно было никакой перемѣны, и онъ, сидя съ Пронскимъ вдвоемъ, самъ первый началъ смѣяться надъ хозяиномъ и угощеніемъ его. "Каковъ молодецъ?" сказалъ вельможа. "Это Мѣщанинъ во Дворянствѣ, комедія Мольерова въ лицахъ, и во всей силѣ слова, потому, что онъ именно родился въ мѣщанствѣ. Князь Шаховской много заимствовалъ отсюда, и вѣрно съ него спи- саль своего Транжирина. А каковы стишки, пѣтые мнѣ въ честь сегодня нѣсколько разъ, осо- бенно-же въ Прологъ? Чудо! Я насилу могъ держаться отъ смѣха. Вамъ вѣрно было веселѣе, чѣмъ мнѣ. Вы могли, на свободѣ, не бывъ никѣмъ замѣчены, нахохотаться досыта." – Да, при- знаюсь – отвѣчалъ Пронскій. – Прологъ, въ самомъ дѣлѣ, чудо, и какъ кстати взято самое луч- шее изъ стиховъ Державина: ау! ау! Какъ удачно, и къ мѣсту, помѣщено было это въ Про- логѣ. – Они оба хохотали, отъ всего сердца, къ общему удивленію гостей, которые отъ роду не видывали ни съ кѣмъ такого фамиліярства Его Высокопр. – "Вообразите-же себѣ, каково мнѣ было сохранять всю мою важность!" продолжалъ вельможа. "Я, ей Богу! нарочно за тѣмъ сталъ курить трубку, чтобы какъ нибудь удержать свой смѣхъ. Хотя и не совсѣмъ вѣжливо курить при дамахъ, но все, я думалъ, учтивѣе, чѣмъ захохотать во все горло. Вотъ съ какими скотами долженъ я имѣть дѣло, и присутствовать на ихъ праздникахъ! Притомъ-же, я очень знаю, что почтенный нашъ хозяинъ большой мошенникъ, но мнѣ должно щадить его, и показывать мое хорошее расположеніе, затѣмъ, чтобы поощрить его усердіе къ учрежденію полезныхъ и бого- угодныхъ заведеній, или называя вещи настоящимъ именемъ, я обязанъ поддержать желаніе его сохранить мою благосклонность, имѣя въ виду воспользоваться этимъ, и побудить его къ пожертвованіямъ для общаго блага. Вы не видали, какую огромную и прекрасную больницу выстроилъ онъ въ своемъ уѣздномъ городѣ? Теперь хочу я склонить его къ новымъ пожертво- ваніямъ, для учрежденія Инвалиднаго дома. Вотъ настоящая цѣль посѣщенія моего, и необык- новеннаго терпѣнія, съ какимъ смотрѣлъ и слушалъ всѣ его глупости. Вы согласитесь, что это, по крайней мѣрѣ, богоугодное дѣло съ моей стороны."

Въ продолженіе разговора вельможи съ Пронскимъ, Сундуковъ былъ въ отчаяніи, что имѣлъ несчастіе обратить на себя гнѣвъ Его Высокопревосходительства. Онъ бранился, и гово- рилъ грубости гостямъ, которые попались ему, въ особенности-же ругалъ жену и дочерей, что онъ не умѣли занять и угостить, какъ надобно, Пронскаго. Досталось и зятю его, Князю Буа- секову: онъ назвалъ его ротозѣмъ, и жаловался, что никто не хотѣлъ ему помочь, а одному растянуться вездѣ не возможно. Тщетно оправдывались обвиняемые, что онъ самъ виноватъ зачѣмъ не познакомилъ ихъ съ Пронскимъ или хотя, по крайней мѣрѣ, сказалъ-бы, что онъ у нихъ въ домѣ, а то даже этого никто не зналъ. Сундуковъ ничего не слушалъ, и продолжалъ браниться, потому, что ему надобно-же было сорвать на комъ нибудь свое сердце. Но болѣе

всего онъ былъ взбѣшенъ на Пронскаго, зачѣмъ не надѣлъ онъ звѣзды своей и орденовъ. Сундуковъ называлъ его либераломъ, вольнодумцемъ, Вольтеріанцемъ, Карбонаріемъ, и ежели-бы можно было, съ удовольствіемъ побилъ-бы его.

Между тѣмъ была уже 12-го половина, а по церемоніалу, предварительно составленному, предназначень былъ въ 11-ть часовъ фейерверкъ, а въ 12-ть ужинъ. Все давно было готово, и конторщикъ Сундукова, главный всему распорядитель, подошелъ къ нему съ докладомъ, не пора ли зажигать фейерверкъ. Онъ прогналъ его отъ себя, въ сердцахъ, безъ отвѣта, но послѣ одумавшись остановилъ, и съ трепетомъ приблизился къ вельможѣ.

"Извините, Ваше Высокопр.," сказалъ онъ тихимъ, подобострастнымъ голосомъ. "Я пришелъ доложить Вашему Высокопр., не прикажете-ли зажигать фейерверкъ?" – Все отъ васъ зависитъ, любезный и почтенный нашъ хозяинъ – сказалъ ласково вельможа, который самъ нѣсколько развеселился, думая, что очень искусно, рассказами своими Пронскому, далъ благовидный оборотъ всѣмъ подвигамъ своимъ того дня. – Вы, я думаю, очень устали? – прибавилъ онъ. – Весь день на ногахъ; отдохните, присядьте съ нами. – "Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство!" отвѣчалъ Сундуковъ, ободренный ласковостію и милостію вельможи. "Радость и восхищеніе, что вижу у себя въ домѣ столь высокопочтеннаго гостя, придають мнѣ силы. Но, ежели Вашему Высокопр. угодно будетъ, мы просимъ васъ на балконъ. Удостоите сами зажечь голубка, который полетитъ по воздуху, и тогда начнется фейерверкъ." – Изволь, изволь, любезный хозяинъ! Только не сыро-ли теперь? Мнѣ нужды нѣтъ, но можетъ быть, Николаю Дмитриевичу угодно будетъ надѣть свою шинель – отвѣчалъ вельможа. – "Эй, Г-нъ Исправникъ, спроси у человѣка Его Превосходительства шинель." – Тотчасъ Исправникъ, два Засѣдателя, и самъ Сундуковъ, стремглавъ бросились въ лакейскую. Сундуковъ, въ торопяхъ, схватилъ у перваго, попавшагося ему человѣка, вмѣсто шинели, дамскій салопъ; но, къ счастію, самъ запутавшись въ немъ, упалъ со всѣхъ ногъ въ дверяхъ, и въ то время, покамѣстъ онъ вставалъ, Исправникъ отыскалъ слугу Пронскаго и принесъ ему плащъ. Пронскій благодарилъ. Между тѣмъ Секретарь вельможи принесъ и его шинель и фуражку.

Всѣ отправились на балконъ; но Его Высокопрев., съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Пронскаго, совсѣмъ уже перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе: онъ отказался самъ зажечь голубка, говоря, что эта честь должна принадлежать дамѣ, и что онъ проситъ почтенную хозяйку взять на себя это дѣло.

Фейерверкъ былъ прекрасный, и стоилъ дорого; все выписано было изъ Москвы. На щитѣ опять горѣлъ, въ золотомъ и брильянтовомъ огнѣ, вензель вельможи, съ надписью кругомъ: *Отцу и Начальнику.... губернія въ знакъ благодарности*. Пронскій не дождался конца фейерверка, расцѣловался съ вельможею, пожелалъ ему спокойной ночи, и отправился въ свою коляску. Но, по выходѣ его съ балкона, вельможа напомнилъ хозяину, что онъ обязанъ проводить гостя. Сундуковъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ за Пронскимъ, догналъ его на крыльцѣ; и убѣдительноше просилъ остаться ужинать. Пронскій отговарился тѣмъ, что онъ никогда не ужинаетъ, и что уже поздно, а ему довольно далеко ѣхать. Сундуковъ низко кланялся, благодаря за посѣщеніе и помогаль Пронскому сѣсть въ коляску.

Глава II

"...C'est toi, qu'on nomme, toi, qu'on désire: "Ah! Viens ici. Quand on est père, époux, ami, on est le plus heureux de hommes.

Demoutier.

"... Тебя зовутъ, тебя желаютъ – спѣши.... Кто супругъ, отецъ, другъ, – хотъ самый счастливѣйшій человѣкъ.

Демутье.

Часу во 2-мъ возвратился Пронскій. Не въ дальнемъ разстояніи отъ дома встрѣтилъ онъ кучеровъ и лакеевъ своихъ, верхами и съ фонарями въ рукахъ. Ихъ выслала на встрѣчу жена его, и очень кстати: ночь была претемная, и онъ подъѣзжалъ къ крутой горѣ, съ большими водомоинами, такъ, что даже и днемъ опасно было тутъ ѣхать. Пронскій былъ очень благодаренъ за такое вниманіе. Онъ нашель жену свою, не только не спящую но и нераздѣтую; по глазамъ ея замѣтно было, что она плакала. Выбѣжавъ на встрѣчу, съ радостію бросилась она къ нему на шею. «Какъ! Ты еще не спишь, мой другъ?» сказалъ онъ. «Да, здорова-ли ты?» – Слава Богу! Мнѣ такъ что-то спать не хотѣлось. – Тутъ вошли они въ комнату, и Пронскій разсмотрѣлъ лицо Софьи при свѣчкахъ. «Браво! Да ты, голубушка, изволила плакать?» – Нѣтъ! тебѣ такъ кажется – я не плакала – отвѣчала Софья, съ веселою улыбкою, цѣлуя своего мужа. «Какъ нѣтъ? Очень замѣтно по глазамъ твоимъ, что ты плакала. Пожалуста скажи: какъ ты себя чувствуешь?» – Право, хорошо – я здорова. – «Да о чемъ-же ты плакала? Ты знаешь наше условіе: мы ничего скрывать другъ отъ друга не должны.» – Ну, что дѣлать, милый другъ мой! Надобно признаться въ моей глупости: ты долго не ѣхалъ, и я беспокоилась о тебѣ. Богъ знаетъ, чего не придумала, и, признаюсь, плакала.... продолжала Софья, обнимая мужа своего. – Мужчины говорятъ, что слезы необходимая принадлежность женщинъ, а мнѣ кажется, просто, мы скорѣе васъ способны плакать отъ того, что нервы у насъ слабѣе вашихъ. – «Помилуй, другъ мой!» сказалъ Пронскій, цѣлуя жену – «ты сдѣлаешь то, что я никуда ѣздить не буду.» – Ахъ! нѣтъ, мой другъ! не говори мни этого! Я призналась въ моей глупости, и повѣрь, что впередъ этого не будетъ. Прости меня, и дай слово, что ты не сердишься, и будешь выѣзжать. За что-жъ тебѣ, изъ слабости моей, лишать себя удовольствія? Божусь, что ты никогда слезъ моихъ не увидишь, и теперь ничего-бы не замѣтилъ, ежели-бы не нашель меня такъ въ расплехъ. При томъ-же, право, гг. мужчины, вы напрасно сердитесь за наши слезы: онѣ насъ облегчаютъ; мнѣ гораздо было тяжеле пока я не заплакала, Богъ знаетъ, что шло въ голову: мнѣ казалось, что и лошади тебя разбили, и коляска твоя сломалась, что гдѣ нибудь мостъ провалился, и ты лежишь безъ чувствъ! Дай только волю воображенію, самъ не знаешь, куда оно заведетъ. Признаваться надобно во всемъ. Я нѣсколько разъ призывала твоего Петрушу, спрашивала у него: смирны-ли твои лошади? крѣпка-ли коляска? Онъ меня успокоилъ на этотъ счетъ; но я посылала свою Аннушку спрашивать у здѣшнихъ жителей: какова дорога, много-ли горъ и переправъ? Мнѣ сказали, что одна только гора, и мостъ хорошій; но мнѣ представилось, что кучеръ напился пьянъ, въ темнотѣ не попалъ на мостъ, и взвалилъ коляску. Я видѣла уже тебя окровавленнаго, съ переломленною ногою, и безъ памяти. Да, что таить! Надобно во всемъ покаяться – продолжала Софья, опять обнимая и цѣлуя мужа – я хотѣла было сама бѣжать къ тебѣ пѣшкомъ на встрѣчу; потомъ думала велѣть запречь нашъ дормезъ, и отправиться къ тебѣ. Хороша-бы я была, и порядочно-бы тебя перепугала, если-бы въ такую темную ночь попалась тебѣ на встрѣчу – тогда за дѣло-бы ты на меня разсердился! Словомъ: сама не знаю, чего я не придумала; но слезы облегчили меня, я отнеслась мысленно къ Богу, ввѣрила и тебя и себя святому Его промыслу, и уже по разсудку велѣла послать къ тебѣ на встрѣчу людей

нашихъ съ фонарями. – «И очень хорошо придумала; я благодариль тебя за вниманіе твое; они встрѣтили меня весьма кстати, у предурной переправы подъ гору,» отвѣчалъ Пронскій. «Но, милый другъ мой, Соничка, я думалъ, что ты гораздо разсудительнѣе: это, ни дать ни взять, настоящая маменька!» – Что дѣлать, другъ мой! Я такая-жъ женщина, какъ и прочія! Ты составляешь все мое счастье на землѣ... будьте снисходительны, господа наши повелители – или, какъ говаривалъ одинъ старикъ Ротмистръ, стоявшій съ эскадрономъ своимъ недалеко отъ нашей деревни, *отцы и командиры*! не требуйте отъ насъ такой-же силы душевной, такой-же твердости и разсудительности, какія даны въ удѣлъ вамъ! Наше предназначеніе – любить васъ страстно, а всякая страсть есть малодушіе. будьте снисходительны къ слабости нашей, изъ уваженія къ началу, отъ котораго она происходитъ. Однакожъ, не стану оправдываться. Богъ и женщинамъ далъ разсудокъ, а въ подкрѣпленіе Религію. Я кругомъ виновата. Прости мою женскую слабость, не сердись на меня! Даю тебѣ честное слово: впередъ этого не будетъ! – "А вы, наши *матери и командириши*, какъ говорить одинъ извѣстный въ нашей арміи Генераль, достигнувшій изъ солдатъ отличною храбростію и необыкновеннымъ природнымъ умомъ своимъ до Генеральства – сдѣлайте одолженіе, сколько можно рѣже мучьте насъ малодушіемъ и пустыми слезами!" отвѣчалъ, съ усмѣшкою, Пронскій. Впрочемъ, милый другъ мой, за кого ты меня принимаешь? Могу-ли я сердиться, видя такой опытъ любви и привязанности твоей? Но мнѣ это важный урокъ; впередъ я и самъ буду разсудительнѣе, стану имѣть больше вниманія, чтобы не тревожить тебя и не навлекать такого безпокойства долговременнымъ моимъ отсутствіемъ. А лучше всего, впередъ рѣшительно никуда я безъ тебя ѣздить не буду." – Ахъ, нѣтъ! не говори этого – прервала его Софья, закрывая ему ротъ руками своими. – Это самый сильный упрекъ въ неразумности моей. И ты говоришь, что не сердишься на меня! Можно-ли быть въ безпрестанномъ принужденіи? Да, я измучусь отъ одной мысли, что ты для меня лишаешь себя удовольствія. Нѣтъ, сдѣлай милость, другъ май, не говори мнѣ этого: ѣзди вездѣ одинъ, куда тебѣ хочется! Я люблю тебя и уважаю, слѣдовательно, имѣю всю полную къ тебѣ довѣренность, и знаю, что ты никогда не захочешь сдѣлать мнѣ неудовольствія. Еще прошу тебя, прости меня, а я не буду впередъ такъ глупа! – «Другъ мой!», сказалъ Пронскій, насилу удерживая слезы умиленія своего. «Можно-ли, чтобы я, любя тебя такъ страстно, хотѣлъ чѣмъ нибудь обезпокоить и огорчить тебя? Но, еще повторяю; ежели когда впередъ и поѣду я одинъ, то буду гораздо внимательнѣе, чтобы не обезпокоить, тебя. Однакожъ, по милости этого скота, Сундукова, который услалъ, Богъ знаетъ куда, мою коляску, и такъ долго мучилъ насъ своимъ глупымъ праздникомъ, ты очень утомилась. Пора тебѣ ложиться спать!» Онъ пошелъ позвать ея горничную, и самъ возвратился, вмѣстѣ съ нею, въ спальню.

"Что, Аннушка: хороша была твоя барыня безъ меня?" сказалъ Пронскій, съ улыбкою, – Да, батюшка! Ужъ тутъ и Богъ знаетъ чего не было! – отвѣчала Аннушка. – И сама измучилась, и меня съ ногъ сбила: посылала безпрестанно смотрѣть, и прислушиваться, не ѣдете-ли вы! А что было... "Ну врешь, врешь!" прервала Софья, зажимая ей ротъ, со смѣхомъ. "Вздорь! Ничего не было. Вотъ еще какая ябедница появилась! Кто тебя просить болтать пустяки? Да я тебя *разобью по щекамъ* за это; ты знаешь, я шутить не люблю, когда разсержусь," прибавила Софья, помирая со смѣха, при одной мысли, что она будетъ бить по щекамъ свою Аннушку, которая была ей *esrèsе d'amie*. Она сама держала Софью въ большой *субординаціи*, и часто, бывъ въ дурномъ нравѣ, гнѣвалась, и дѣлала ей выговоры. – Да, пожалуй, извольте бить меня, какъ хотите – отвѣчала, также со смѣхомъ, Аннушка – а не лъзя не рассказать барину, какъ вы безъ него проказничали. Нѣтъ, Аннушка – говорили вы – ты не хочешь мнѣ объявить, а, вѣрно, прислали сказать, что онъ лежитъ безъ чувствъ, и что его лошади разбили! Я замѣтила, когда онъ поѣхалъ, что лѣвая пристяжная очень горячилась и прыгала; неправда-ли: вѣдь она первая стала бить, а отъ нея и другія взбѣсились? Что-жъ ты отъ меня скрываешь? Пожалуста, скажи: вѣдь это правда? – Нѣтъ, сударыня – говорила я – да и что это вамъ въ голову входитъ? – Ахъ! вотъ кажется стукъ! Слава Богу! вѣрно онъ ѣдетъ! Сбѣгай, голубушка, не слыхать-ли чего?

Когда я возвращалась съ отвѣтомъ, что ничего не слышно, опять начинались разспросы. Вѣрно, коляска сломалась? Онъ все это время такъ много ѣздилъ въ ней, а вѣдь никто не поглядѣлъ! нѣтъ, впередъ, иначе не отпущу его, пока сама все не осмотрю. Да, помилуйте сударыня, говорила я – передъ отъѣздомъ изъ Петровскаго я сама видѣла, что баринъ все изволилъ осматривать; я въ ней ѣхала сюда, и знаю, что она совсѣмъ крѣпка. – Ну, такъ кучеръ напился пьянъ, на праздникъ этого гадкаго Сундукова, и свалилъ его подъ мостъ! – Да, кучеръ въ ротъ ничего не беретъ – увѣряла я. – Вотъ такъ-то вся ночь-ноченская прошла. Я вѣдь вамъ напередъ говорила, что все доложу барину, когда онъ изволилъ пріѣхать. – «Ахъ ты женщина, женщина!» – сказалъ Пронскій, смотря Софѣ въ глаза, съ нѣжностію. «Но милая, добрая женщина есть Ангелъ на землѣ!» – прибавилъ онъ, выходя въ свою комнату, раздѣваться.

"Постой-же, Аннушка," сказала Софья, предавшись обыкновенной своей веселости, – давай, мы его славно обманемъ! Я сдѣлаю, какъ будто-бы въ самомъ дѣлѣ быю тебя по щекамъ, а ты кричи и плачь. – Вотъ будетъ ему сюрпризъ! – Ахъ, вы, проказница! Да, вспомните, что вы уже теперь барыня – да еще и Генеральша. – "Нужды нѣтъ! Пожалуста, обманемъ его." – Хорошо, извольте – отвѣчала Аннушка. Лишь только услышали они шаги Пронскаго, идущаго въ спальню, Софья начала давать мнимыя пощечины Аннушкѣ, то есть, бить себя по ладонямъ. "Вѣдь я тебѣ не шутилъ говорила, чтобы ты не смѣла болтать, а ты не послушалась – такъ вотъ-же тебѣ!" – Помилуйте, сударыня – кричала, со слезами, Аннушка – я изъ усердія къ вамъ сказала. – «А! ты еще, бестія, раскричалась!» И новыя оплеухи послѣдовали. Аннушка продолжала плакать. Можно вообразить себѣ положеніе Пронскаго! Онъ почиталъ Софью Ангеломъ, и вдругъ открывается, что она злая и лицемерка! Блѣдный, съ ужасомъ, отворяетъ онъ двери, и – находитъ, что обѣ помираютъ со смѣху! «Ага! обманули молодца!» – вскричала Софья, бросаясь цѣловать его. – Воображаю себѣ, каково было твое изумленіе, узнавъ за женою своею такія добродѣтели. Вотъ такъ-то я стану бить всегда Аннушку, когда ты осмѣлишься опаздывать пріѣзжать домой." – Женщины! настоящія вы дѣти! Какъ близки отъ печали къ радости, отъ слезъ къ смѣху! – «Да ужъ теперь говори какія хочешь сентенціи, а мы съ Аннушкой славно обманули тебя!» Онъ долго хохотали, что Софья *отважилась* бить по щекамъ Аннушку.

На другой день, послѣ обида, Пронскій и Софья отправились къ Рамирскимъ. Дорогою, Пронскій рассказывалъ всѣ проказы Сундукова. Софья смѣялась отъ всей души. "О люди! люди!" сказала Софья. "Изъ чего суетятся и хлопочутъ? мнѣ очень часто приходятъ въ голову стихи Дмитріева, которые, какъ мнѣ кажется, заключаютъ въ себѣ самое полное описаніе чело-вѣка:

"О Бардусъ! не глуши своимъ насъ лирнымъ звономъ;
"Молвь просто: *человѣкъ смѣсь Бардуса съ Невтономъ!*"

Потомъ очень тяжело вздохнула она когда Пронскій рассказалъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Сундуковымъ крестьянамъ своимъ, которыхъ онъ раззорилъ и привелъ въ совершенную нищету. «Ты давича сказала: О люди, люди!» – прибавилъ Пронскій – «а теперь должно воскликнуть; О звѣри, звѣри, кровожадные звѣри!»

Глава III

Oh mortels ignorans et indignes de votre destinée! Le bonheur peut exister dans tous les tems, dans tous les lieux, dans vous, autour de tous, partout où l'on aime véritablement.

Chateaubriand.

О смертные, бессмысленные, недостойные предназначения вашего! Счастье может существовать всегда, вездѣ, въ васъ, вокругъ васъ, повсюду гдѣ любятъ истинно.

Шатобрианъ.

Они пріѣхали къ Рамирскимъ на другой день послѣ ужаснѣйшей ссоры, происходившей между этими несчастными супругами, слѣдствіемъ которой было рѣшительно намѣреніе – разойтись на вѣкъ. Давно уже потеряли Рамирскіе взаимное уваженіе другъ къ другу; ежедневно возобновляемыя непріятности ихъ между собою, произвели, прежде равнодушіе, потомъ отвращеніе, наконецъ, какъ имъ казалось, возродили непреодолимую ненависть ихъ. Поводомъ къ намѣренію ихъ развестись было слѣдующее:

Елисавета ѣздила въ гости къ одной доброй пріятельницѣ своей; безъ нея принесли къ Рамирскому письма съ почты, въ числѣ которыхъ нашелъ онъ одно на имя жены своей. Пакетъ былъ изъ прекрасной, веленовой бумаги, съ бордюрами; на печати усмотрѣлъ Князь бѣгущую, опушта голову внизъ собачку, съ девизомъ: *Je cherche le temps perdu*. Почеркъ на адресѣ былъ ему неизвѣстенъ; онъ полюбопытствовалъ узнать, отъ кого было письмо, осторожно распечаталъ, и – съ бѣшенствомъ, усмотрѣлъ подпись *Жокондова*, изъ Москвы! Письмо написано было по Французски, и заключало въ себѣ любовное объясненіе, выписанное цѣлыми фразами изъ Французскихъ романовъ прошлаго столѣтія. Впрочемъ, слова: *робкая любовь, сердце, воспламененное красотою и любезностію, невозможность болѣе противиться страсти, овладѣвшей встѣмъ бытіемъ, и что никогда лично не отважился бы сказать, что осмѣливается теперь писать*, и прочія, пошлыя любовныя фразы ясно доказывали, что Елисавета еще не имѣла никакой непозволительной связи съ этимъ обветшалымъ волокитою, и что онъ еще въ первый разъ дерзнулъ говорить ей прямо о любви своей.

Чувство досады и ревности совершенно овладѣло душою Рамирскаго. По мнѣнію его, и этого уже было слишкомъ довольно, что къ женѣ его осмѣлился кто нибудь писать любовныя изъясненія. При томъ-же, онъ почти совсѣмъ отвыкъ отъ французскаго языка, и многого не понималъ въ письмѣ. Въ бѣшенствѣ, входили ему въ голову самыя сильныя и крайнія средства: онъ думалъ послать къ женѣ записку, чтобы она не осмѣлилась болѣе возвращаться въ его домъ, и ѣхала-бы, куда хочетъ. Потомъ, намѣревался онъ тотчасъ по пріѣздѣ ея прогнать вонъ отъ себя, не говоря ни слова. Но одумавшись, внутренно сознавался, что гласная исторія его съ женою можетъ обратиться ему самому въ предосужденіе; притомъ-же, хотѣлось ему испытать, до какой степени можетъ простираться лицѣмерство и вѣроломство ея; онъ желалъ еще знать, чѣмъ и какъ можетъ она оправдаться? Въ такихъ мысляхъ опять искусно запечаталъ Рамирскій письмо, и по возвращеніи жены домой, хотя старался скрыть свое бѣшенство, но не могъ, и съ глазами сверкающими отъ гнѣва подаль самъ письмо, при входѣ ея въ гостиную. Елисавета, не обращая вниманія, и не смотря въ лицо мужа, подошла къ окну, и распечатала пакетъ. Въ глазахъ ея замѣтно было прежде удивленіе, когда она прочитала подпись, явная досада и презрѣніе при чтеніи письма; однакожь, она не сказала мужу ни слова, положила письмо въ ридикюль, и пошла въ свою комнату переодѣться. Князь Рамирскій, съ нетерпѣніемъ и бѣшенствомъ, ходилъ большими шагами по комнатѣ, въ ожиданіи ея возвращенія.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.